

Содержание

Хватит места для обоих	3
Исправившийся супруг	7
Счастливое притворство	16
Застрявший епископ	20
Привидение	22
Змея	26
Дорси, или Превратности судьбы	29
Плуты	47
Цветок каштана	55
Сам себе наставивший рога, или Непредвиденное примирение	57
Око за око	71
Непонятное событие, засвидетельствованное всей провинцией	77
Провансальские ораторы	84
Гасконское остроумие	88
Огюстина де Вильбланш, или Любовная уловка	90
Угодливый супруг	110

Недотрога, или Нежданная встреча	112
Муж-священник. Провансальская новелла	122
Будет сделано, как потребовано	132
Сеньора де Лонжевиль, или Отмщенная женщина	136
Эмилия де Турвиль, или Жестокосердие братьев	147
Наказанный сводник	183
Одураченный президент.	189

Хватит места для обоих

Одна прехорошенькая двадцатидвухлетняя лавочница с улицы Сент-Оноре, пухленькая, упитанная, цветущая и необыкновенно аппетитная, была не лишена бойкости, смекалки и живейшего пристрастия к запретным — согласно суровым законам супружества — удовольствиям. Вот уже год, как она подыскала двоих помощников своему старому некрасивому мужу. Тот не только был ей противен, но к тому же редко и плохо исполнял супружеские обязанности. Отнесись он к исполнению своего долга с бóльшим усердием, может быть, и ему удалось бы умерить требовательную госпожу Дольмен (так звали нашу очаровательную лавочницу).

Свидания обоим любовникам назначались в соответствии с тщательно продуманным расписанием: юному офицеру Деру обычно отводилось время с четырех до пяти часов вечера. С половины шестого до семи прибывал необыкновенно симпатичный молодой негодник Дольбрёз. Предложить другие мгновения для встреч

не представлялось возможным. Только в эти часы госпожа Дольмен могла свободно собой располагать. Утром необходимо было присутствовать в лавке, вечером тоже не мешало бы там появиться. Потом возвращается муж, и нужно обсуждать с ним дела. Впрочем, как-то госпожа Дольмен поделилась с подругой, что ей нравится, когда минуты наслаждения повторяются с небольшими перерывами. Огонь воображения еще не угас, говорила она, и нет ничего сладостней перехода от одних утех к другим, ибо при этом не нужно заново настраиваться. Восхитительная госпожа Дольмен как нельзя лучше разобралась в тонкостях любовных ощущений. Не многие женщины способны, подобно ей, столь точно их проанализировать. Талант ее состоял в том, что, все обдумав и просчитав, она пришла к выводу, что два любовника лучше, чем один. С точки зрения репутации — то же самое, один заменяет другого, хотя можно обмануться и принять их за одного, приходящего несколько раз в день, зато с точки зрения удовольствия — какое преимущество! Особо опасалась госпожа Дольмен беременности. Уверенная, что муж никогда не дойдет до безрассудства испортить ее фигуру, она также прикинула, что с двумя любовниками рискует в этом отношении куда меньше, нежели с одним. Будучи хорошим анатомом, она полагала, что два плода взаимно уничтожают друг друга.

Однажды установленный распорядок свиданий оказался нарушенным, и двое наших любовников,

никогда не видевшихся прежде, познакомились, как мы узнаем позже, при весьма забавных обстоятельствах. Первым должен был прийти Деру, но он опоздал. И будто вмешался сам дьявол: как на зло, прибыл Дольбрёз чуть раньше обычного.

Догадливый читатель тотчас понимает, что стечение таких двух небольших неточностей неминуемо должно было привести к нечаянной встрече, — так и случилось. Однако расскажем, как именно все произошло, и по возможности постараемся сохранить приличия и сдержанность, необходимые для изложения столь непристойной истории.

В силу некоего причудливого каприза — весьма распространенного среди мужчин — наш молодой воитель, уставший от роли любовника, предпочел на время исполнить роль любовницы. Он пожелал сам заключить в объятия свое божество вместо того, чтобы оказаться заключенным в ее объятия. Словом, то, что обычно находится снизу, он поместил наверх. Произошла смена положения участника, как правило, склоненного над алтарем, куда изливается жертвоприношение. Итак, госпожа Дольмен, обнаженная, точно Венера Каллипига, распростерлась над любовником, предоставив на обозрение перед дверьми комнаты, где свершалась сия мистерия, то, чему столь благоговейно поклонялись греки, глядя на уже упомянутую прекраснотазую статую, а именно эту упоительно-пышную часть тела, которая — зачем так

удаляться в поисках примеров? — находит немало почитателей и в Париже. Таково было положение вещей, когда Дольбрёз, привыкший входить беспрепятственно, мурлыча какую-то песенку, открывает дверь — и перед ним открывается перспектива того, что, говорят, порядочной женщине не годится выставлять напоказ.

Зрелище, способное порадовать немало ценителей, заставило Дольбрёза отшатнуться.

— Что я вижу, — вскрикивает он, — изменница!.. Так вот что ты приберегла для меня?

Госпожа Дольмен в этот миг была обуреваема порывом, во власти которого женщина проявляет куда больше находчивости, нежели в минуты здравомыслия. Она ловко отбивает его выпад:

— Какого дьявола ты возмущаешься, — продолжая отдаваться первому Адонису, отвечает она второму, — не вижу ничего особо огорчительного. Чем мешать нам, дружок, устраивайся-ка лучше там, где свободно. Смотри — хватит места для обоих.

Оценив самообладание любовницы, Дольбрёз не удержался от улыбки. Посчитав, что разумнее всего последовать ее совету, он не заставил себя долго уговаривать. Уверяют, что все трое от этого только выиграли.

Исправившийся супруг

Один не состоявший ранее в браке человек на старости лет надумал жениться, неразумно избрав восемнадцатилетнюю девушку с прелестным лицом и замечательной фигурой. Непривычный к семейным радостям, господин де Бернак — таково имя нашего молодожена — еще более усугублял неуместность женитьбы своими особыми пристрастиями, какими обычно заменял целомудренно-нежные супружеские утехы. Его необычное поведение никак не могло прийтись по нраву столь привлекательной особе, как мадемуазель де Люрси (так звалась несчастная, связавшая с Бернаком судьбу).

В первую же брачную ночь, заставив юную супругу поклясться, что она все будет держать в тайне от родителей, он продемонстрировал свои необычные вкусы. Речь шла, если верить знаменитому Монтескье, о постыдном извращении, корни которого восходят к детству: молодая женщина в позе маленькой девочки, заслуживающей наказания, предоставлялась на пятнадцать-двадцать минут

для утоления грубых прихотей престарелого супруга. Именно в подобном обмане естественного чувства он черпал пьянящую сладость восторга, что любой более нормально устроенный мужчина предпочел бы испытать в объятиях восхитительной де Люрси.

Девушке милой, изысканной, воспитанной в достатке и далекой от педантизма, подобное обращение поначалу показалось излишне суровым. Однако ей было предписано послушание в браке, и она наивно полагала, что, вероятно, все мужья ведут себя подобным образом. По-видимому, и Бернак постарался укрепить ее в этой мысли. И юная особа самым простодушным образом поддалась извращенным фантазиям своего сатира.

День за днем повторялось одно и то же, порой и по два раза в день. Через два года мадемуазель де Люрси — мы по-прежнему зовем ее этим именем, ибо она оставалась столь же девственной, как и в первую брачную ночь, — потеряла отца и мать, а вместе с ними и надежду облегчить свои страдания, поделиться которыми решила некоторое время назад.

Утрата эта лишь усилила предприимчивость Бернака. Держась в некоторых рамках при живых родителях жены, после смерти их он перестал сдерживаться, ибо отныне она лишилась защитников, к которым могла взывать о помощи. То, что прежде носило характер баловства, теперь превратилось в сущую пытку.

Мадемуазель де Люрси больше не в силах была терпеть. Сердце ее ожесточилось, и она думала только об отмщении. Мадемуазель де Люрси почти не бывала в свете: муж постарался изолировать ее от всякого общения. Однако кузен ее, шевалье д'Альдур, невзирая на противодействие де Бернака, по-прежнему навещал родственницу. Этот необычайно привлекательный молодой человек упорствовал в посещении кухни, ибо имел на нее виды. Д'Альдур был известен в свете, поэтому старый ревнивец, боясь быть осмеянным, не отваживался резко отказать ему от дома... Мадемуазель де Люрси обратила взоры на юного родственника, надеясь с его помощью освободиться от своего рабского положения. Она с благосклонностью внимала ежедневным признаниям кузена, пока окончательно во всем ему не призналась, раскрыв тайные пристрастия мужа.

— Отомстите за меня этому гадкому человеку. Устройте ему в отместку сцену, которую он ни за что не осмелится разгласить. Преуспееете — получите награду. Только такой ценой я стану вашей.

Воодушевленный д'Альдур обещает все исполнить и с рвением ввязывается в авантюру, сулящую столь сладостное вознаграждение. Когда все уже было подготовлено, он является к Бернаку и говорит:

— Сударь, имея честь быть вашим близким родственником, я настолько доверяю вам, что хочу

поделиться своим секретом: недавно я заключил тайный брак.

— Тайный брак, — повторяет Бернак, обрадованный, что наконец избавился от соперника, мысль о котором повергала его в дрожь.

— Да, сударь, я связал судьбу с очаровательной супругой. Завтра она сделает меня счастливым. Правда, эта девушка без приданого; впрочем, не все ли равно: моего богатства хватит на нас обоих. По сути дела, я беру под свою опеку всю ее семью. Их четыре сестры, они живут вместе, общество их мне настолько приятно, что лишь усиливает мое счастье... Лыщу себя надеждой, — продолжает молодой человек, — что моя кузина и вы завтра удостоите меня вашим присутствием за свадебным столом.

— Сударь, я нечасто выезжаю в свет, супруга моя — и того реже, мы оба живем в полном уединении. Жене оно нравится, и я не стесняю ее в этом.

— Я осведомлен о ваших вкусах, сударь, — отвечает д'Альдур, — и ручаюсь, что вас обслужат согласно вашим желаниям... Я люблю уединение не меньше вас. К тому же, как я говорил, у меня есть причины хранить эту свою тайну. Все произойдет за городом, взгляните, какая прекрасная погода; слово чести — мы будем совершенно одни.

Люрси дает понять, что не возражает, муж не осмеливается противоречить ей в присутствии д'Альдура — словом, решено ехать на свадьбу.

— Вы позволили себе прихоть присутствовать на свадьбе, — начал ворчун, едва оставшись наедине с женой. — Вы же знаете, я не склонен к такого рода развлечениям и впредь постараюсь пресечь подобные желания. Предупреждаю, в скором времени я запру вас в одном из моих имений, где вы не увидите никого, кроме меня.

Когда действительность не предоставляла более или менее обоснованных поводов для придинок, Бернак изобретал их, и сейчас он заводит Люрси в спальню, приговаривая:

— Мы пойдем в гости. Да, раз я пообещал, но вы дорого заплатите за то, что и не пытались скрыть желания там побывать...

Испуганная бедняжка в ожидании близкого избавления предпочитает безропотно все стерпеть.

— Делайте все, что вам угодно, сударь, — смиренно произносит она, — вы столь милостивы, что заслуживаете лишь моей признательности.

Такая кротость и уступчивость могла обезоружить любого, но не развратника Бернака, погрязшего в пороках. Ничто не останавливает его. Он удовлетворяет свою извращенную страсть и спокойно укладывается спать. На следующий день, согласно уговору, д'Альдур заезжает за супругами и все отправляются в дорогу.

— Видите, — говорит юный кузен Люрси, вводя мужа и жену в пустынный дом, — видите, здесь и не пахнет шумным празднеством. Ни кареты, ни лакеев, я ведь говорил: мы будем совершенно одни.

Тем временем четыре крупные женщины лет тридцати, сильные, мощные, пяти с половиной футов ростом каждая, взошли на крыльцо, с самым благожелательным видом приветствуя господина и госпожу де Бернак.

— Вот моя жена, сударь, — говорит д'Альдур, представляя одну из них, — остальные три — ее сестры. Сегодня в Париже на рассвете мы заключили брак и милости просим отпраздновать нашу свадьбу.

Хозяин и его гость обменялись взаимными любезностями. Обойдя салон, Бернак, к своему великому удовольствию, убеждается, что находится в столь желанном ему уединении. Слуга объявляет о начале трапезы, и все садятся за стол. Было необычайно весело. Четыре лжесестры беспрестанно острили, проявив живой и игривый нрав, и, поскольку рамки приличий ни на миг не были нарушены, Бернак, обманутый их манерами, вообразил, что находится в наилучшей компании.

Люрси, вдохновленная видом своего расслабившегося тирана, забавлялась беседой с кузеном и, с отчаяния решившись покончить с воздержанием, доселе приносившим ей лишь слезы и огорчения, пила с молодым человеком шампанское, одаривая его самыми нежными взглядами. Наши героини изо всех сил пили и веселились, а вовлеченный во всеобщее ликование Бернак и не подозревал, отчего остальная компания устраивает свадебное застолье при столь странных обстоя-

тельстввах. Однако не следовало терять бдительность, поэтому в нужный момент д'Альдур, чтобы прервать веселье, предлагает перейти к кофе.

— Кстати, дорогой кузен, — говорит он после кофе, — соблаговолите осмотреть помещение. Знаю, вы человек со вкусом. Недавно я обставил дом по случаю женитьбы. Однако, кажется, не очень удачно подобрал мебель. Пожалуйста, выскажите ваше мнение по этому поводу.

— Охотно, — говорит Бернак, — никто лучше меня не смыслит в этом, готов биться об заклад, сейчас я оценю меблировку с точностью до десяти луидоров.

Д'Альдур устремляется к лестнице, подав руку очаровательной кузине. Бернака помещают между четырьмя сестрами, и в таком порядке все заходят в очень темные боковые покои.

— Вот комната новобрачных, — говорит д'Альдур старому ревнивцу, — взгляните на это ложе, кузен, вот где моя супруга вскоре утратит свое целомудрие. Миг настал. Сколько она еще может томиться?

Последнее слово служило сигналом к действию. Тут же четыре плутовки набрасываются на Бернака. Каждая вооружена пучком розог. С него стаскивают штаны, две женщины его держат, две другие, сменяя одна другую, основательно секут.

— Дорогой мой кузен, — восклицает д'Альдур во время порки, — разве не говорил я вам вчера, что вас обслужат согласно вашим вкусам? Я не приду-

мал ничего более приятного для вас, нежели воздать то, что вы каждый день предоставляете этой очаровательной женщине. Вы ведь не варвар и не заставили бы ее испытывать то, что вам самому не угодно было бы получить. Таким образом, льщу себя надеждой, что доставляю вам удовольствие. Однако данной церемонии недостает еще одного обряда. Говорят, кузина моя, несмотря на столь длительное совместное с вами проживание, еще столь же нетронута, как если бы вас только что обвенчали. Бьюсь об заклад, это упущение с вашей стороны, безусловно, происходит оттого, что вы не знаете, как за это взяться. Сейчас я покажу вам как, друг мой.

При этих словах отважный кузен под ритмичный аккомпанемент розог бросает кузину на ложе и на глазах недостойного супруга делает ее женщиной. В тот же миг церемония завершается.

— Сударь, — обращается д'Альдур к Бернаку, сходя с алтаря, — возможно, вы сочтете урок этот излишне сильнодействующим. Однако, признайте, нанесенный вами ущерб был ничуть не меньшим. Я не являюсь и не желаю быть в дальнейшем любовником вашей жены, вот она, сударь, возвращаю ее вам, однако на будущее советую обращаться с ней как подобает. Иначе она вновь обретет в моем лице мстителя, который обойдется с вами куда менее бережно, нежели сегодня.

— Сударыня, — говорит взбешенный Бернак, — ваше поведение поистине...

— Именно такое, какого вы заслуживаете, милостивый государь, — отвечает Люрси. — Если все же оно вам не по вкусу, вы вправе предать его огласке. Каждый из нас изложит свои доводы, и увидим, кто из нас двоих более потешит публику.

Смущенный Бернак кается в своих провинностях и, не выдумывая больше софизмов для их оправдания, бросается на колени перед женой с просьбой простить его. Нежная и великодушная Люрси поднимает и целует его. Оба возвращаются домой, и уж не знаю, какими средствами воспользовался Бернак, однако с тех пор во всей столице невозможно было отыскать более задушевной, дружной и добродетельной супружеской четы.